

детектив – событие

Евгения Михайлова

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

Детектив-событие

Евгения Михайлова
Струны черной души

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Струны черной души / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2019 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-101884-9

Маргарита не думала, что из скучающей домохозяйки превратится в угрюмую униженную зэчку. Ей предстояло отбывать годы в колонии за убийство собственного мужа... Испанская тетя Изабелла оставила многомиллионное состояние единственной родственнице из далекой России, но она не предполагала, с какими трудностями той предстоит столкнуться... Частный детектив Сергей Кольцов не удивился странностям новой клиентки, его поразили железная воля молодой женщины и ее желание восстановить свое честное имя... От суммы и от тюрьмы не зарекайся, у каждого в душе свой персональный ад, но иногда судьба все-таки пытается подсластить горькую ягду...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101884-9

© Михайлова Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Часть вторая	16
Глава 1	16
Глава 2	18
Глава 3	21
Часть третья	22
Глава 1	22
Глава 2	24
Глава 3	27
Часть четвертая	29
Глава 1	29
Глава 2	31
Глава 3	33
Часть пятая	35
Глава 1	35
Глава 2	37
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгения Михайлова

Струны черной души

*Все персонажи и события романа вымышленные.
Совпадения с реальными фактами случайны.*

*Сладку ягоду рвали вместе,
Горьку ягоду – я одна.*

Часть первая

Не зарекайтесь

Глава 1

Счастливая домохозяйка

Меня зовут Маргарита. Дома звали Ритой. В школе и университете – Марго. Когда дочка начала говорить и хитрить, скрывая, что не может произнести «р», она стала называть меня Ита. Нам обеим это так понравилось, что слово «мама» так и не возникло в наших отношениях.

До сих пор сердце тает от мягкого, нежного и такого родного слова – Ита. Мое сердце, которое, как временами кажется, окаменело и застыло навсегда. А в хорошие времена это имя оказалось таким удобным.

Когда Таня подросла, стала симпатичной девочкой с ярко выраженной ранней женственностью, нас иногда принимали за сестер...

Нам обеим это страшно нравилось, мы работали на такой образ.

Младшая сестра Таня – тоненькая, светлая, как лепесток чайной розы, с соломенной челкой над распахнутыми голубыми глазами, – и старшая сестра Ита, – русые волосы чуть подкрашены в рыжеватый цвет, глаза самого темного серого цвета, а лицо узкое и нежно-смуглое, как у какой-то нашей заморской прабабушки.

Мы одевались в одном строгом стиле: все вещи облегающие и подчеркивающие фигуры, которые нам не нужно было скрывать.

У меня нет ни одной фотографии прошлого. Но я все легко восстанавливаю по памяти. Каждый день, каждую минуту, каждый звук и цвет тех тринадцати лет, в течение которых мы с Таней дружно, с любовью, радостью и азартом шли по дороге ее детства в ее юность.

С ее отцом я развелась, когда дочке был годик. Отказалась терпеть зависимость без любви, по ошибке, и хотела, чтобы Таня даже не смогла запомнить этот первый период с не тем отцом. Тогда я еще училась в университете.

Второй муж Анатолий был директором колледжа с углубленным изучением математики, куда я пришла устраиваться на работу.

У меня не было педагогического опыта и рекомендаций. И у нас обоих не было сомнений в том, почему он принял меня после очень короткой беседы, в которой не проверялись ни мои способности, ни воспитательные принципы.

Да, дело в прабабушке и в ее наследстве – моя необычная внешность многих мужчин поражает наповал с первого взгляда. Проблемы начинаются потом, чаще всего они несовместимы с отношениями.

Анатолий был тогда респектабельным, холемым мужчиной сорока пяти лет, с бархатным голосом, каштановой шевелюрой и такими же бородкой и усиками. Вылитый портрет ученого или писателя девятнадцатого века кисти большого мастера.

Склонность к позерству показалась мне его единственным недостатком. Впрочем, ее можно рассматривать как артистизм – редкое и важное качество педагога.

В этом колледже я, кроме математики, вела еще факультатив балльных танцев. Зарплата несравнима с обычными муниципальными школами.

Вскоре Таня пошла в первый класс. Она училась в школе рядом. А потом Анатолий зачислил Таню в девятый класс, она была на полтора года младше одноклассников, потому что пошла в школу до шести лет. Нас обеих приняли, даже полюбили ребята. Таня и там называла меня Итой, я не возражала.

Вскоре узнала, что ученики за глаза называют меня «Ита плюс». Не самое плохое прозвище для учителя. Даже очень хорошее. Химичку, к примеру, называли «кислота». Анатолия, конечно, «барин».

Педколлектив состоял в основном из женщин. Много молодых, и все внешне хорошо выглядели, со вкусом одевались. Это соответствовало имиджу школы и требованиям директора.

Особое внимание Анатолия я почувствовала сразу, хотя ничего явного, никаких предложений, привилегий и даже многозначительных взглядов не было. О том, что он давно в разводе, узнала, кстати, от Тани. Дети слышат и видят часто больше взрослых.

У меня никогда не было возраста безмятежности и доверчивости, хотя выросла в нормальной, спокойной семье. Но чуткость, скрытность, наблюдательность и опасливость родились вместе со мной. С возрастом к этому набору добавилась необходимая капля цинизма, рожденного опытом. Это и было моим тайным оружием, которым я пользовалась для защиты себя и дочери.

Когда ухаживания Анатолия приобрели явный характер, я прежде всего прислушалась к голосу своего тела, нет ли протеста. Убедилась, что не только нет, Анатолий был мне приятен, будил воображение и чувственность, Но я долго сдерживала развитие событий. Наблюдала и анализировала.

Как охотник, следила за каждым выражением и жестом в его отношениях с остальными женщинами. И еще более пристрастно за контактами с девочками и мальчиками. С хорошенькими, ухоженными, раскованными, домашними девочками, которые привыкли к ласкам, одобрениям дома и жаждут признания своей неотразимости от всех, кто встречается на пути. Неосознанное желание женских побед. И с наивными, беззаботными мальчишками, которые тянутся к мужскому авторитету.

Для меня не секрет, по каким причинам иногда мужчины идут работать в школы. Самый тяжкий и непреодолимый порок – влечение к незащитной детской прелести. Адское, звериное влечение грубых душ и тел. Это и еще скрытый садизм взрослых, встречаемый слишком часто в детских учреждениях, требовалось исключить.

Мне не было стыдно от того, что я допускаю в отношении малознакомых людей самые чудовищные подозрения и затем их исключаю. Это моя суть. Это мой позитив – не обнаружить в человеке то, что меня отталкивает или пугает. С такого исключения и начинается доверие. Без него я задавлю в зародыше любую страсть.

Анатолий хорошо общался с детьми – с позиции доброй силы и благородства души. Никаких «но» – ни агрессии, ни раздражения, ни дурного внимания, – только взрослая забота, открытость, что не исключало ни сурового осуждения, ни морального приговора, если был серьезный повод. Но и понять «осужденного» он умел, как никто. И забыть о конфликте навсегда.

С женщинами он тоже вел себя не как начальник, а как коллега, как мужчина, отдающий должное всем достоинствам, включая новую прическу или платье. И только. Ничего личного, чрезмерного и скрытого.

Через полгода после первой встречи мы с Анатолием провели свою первую ночь в его большой, красивой и все же заметно холостяцкой квартире.

Этот опыт я затем анализировала, как эксперт в лаборатории. И сказала себе: да, это удача. Это мое.

Прошло еще два года, и мы поженились. Переехали с Таней к нему. А еще через год Анатолий предложил мне оставить работу.

У Тани оказалась слабая носоглотка. Постоянные простуды, осложнение на сердце. Она пропустила половину учебного года. Нужно было заниматься ее физическим восстановлением и пройти дома всю программу.

Мы со всем отлично справились. Таня вернулась в школу, не отстав от своего класса.

А я узнала, что такое безмятежное существование неработающей жены состоятельного человека. Магазины, парикмахерские, бассейн. Болтовня по телефону и в соцсетях о событиях сытой, здоровой, полной приятных событий жизни.

Что я запомнила и поняла с тех пор.

Счастье может быть только бестолковым, бездумным и в каком-то смысле алогичным. Оно возникает вместе с иллюзией задержанных мгновений. Остановленных радостей. Сбывшихся желаний.

Стереотип «трудное счастье» – это вообще бред. Речь о борьбе, преодолении. Так и должно называться: битва.

Смотрю сейчас издалека на счастье домохозяйки Иты, на ласковые разговоры с моей девочкой, на горячие встречи с красивым, хорошо пахнущим мужем, на наши ночи: только для забвения и теплого блаженства, – и режу все это на мелкие кусочки. Препарирую, чтобы рассмотреть, что было внутри. Смотрю высохшими навсегда глазами и вижу, как стремительно таяла моя нелепая шагреневая кожа.

Глава 2

Что же было внутри

Какая-то сушая мелочь, пустяк, как заусенец у ногтя. Вдруг кольнет, занает от воды, оставит неприятное ощущение. Ты привычно ищешь самое простое и легкое решение. Просто маникюр. Занозу сознания покрываешь лаком привычных дел. Доводишь до совершенства идеи интерьера, готовишь еду по самым вкусным рецептам. Подарки себе, дочке, мужу. Употительные минуты в ворохе новых нарядов, в запахе любимых духов. И все на фоне прочного родства с двумя умными, чуткими, снисходительными, в равной степени взрослыми по уровню духовного развития людьми.

Да, моя Таня для меня была равной личностью с тех пор, когда я начала понимать ее первые звуки. Она еще не умела говорить, но была носителем человеческой глубины.

Конечно, я никогда не уходила от своей подозрительной сути в бессмысленную безмятежность. И знала: настанет время, когда я достану самую мелкую занозу из памяти, рассмотрю, расшифрую, протяну нити к другим таким же зацепкам.

Таня на четырнадцатом году жизни совсем выбралась из пуха гадкого утенка. Из болезней и правильного восстановления она вышла такой же нежной, но окрепшей. Немного поправилась, фигурка округлилась. Бледная кожа блондинки засветилась блеском розового жемчуга. Волосы стали пышными и послушными, глаза внимательными и ласковыми, детские губы таили женскую улыбку. И в каждом жесте, движении ее красивых рук и ног больше не было неловкости и угловатости.

Каким наслаждением для меня было покупать ей вещи, придумывать прическу, изобретать вкусные и полезные витаминные коктейли, чтобы подпитать красоту.

Укол номер один.

Мы с Толей уже сидим за столом, накрытым к ужину, а Таня выходит из ванной. У нее мокрые волосы, которые обнимают ярко-розовое личико. Голубой махровый халат сползает с узких плеч, приоткрывает нежную маленькую грудь.

Я открываю рот, чтобы сказать ей, как она похожа на русалку.

Это мое правило: озвучивать постоянно свое восхищение ребенком для повышения его самооценки.

Таня была слишком скромной и робкой.

И вдруг, бросив взгляд на Анатолия, чтобы поделиться своей гордостью, я вижу: он покраснел и слишком заинтересовался содержимым своей тарелки. Притворно заинтересовался.

Я на секунду сбилась, но все же сказала, что хотела.

Таня засмеялась и ответила:

– А Катька в бассейне сказала, что я плаваю, как жаба. Скажи ей, Ита, что я русалка на самом деле.

Анатолий поддержал разговор очень смешным анекдотом из жизни жаб.

Ужин прошел, как всегда, приятно и слишком быстро.

Мы после него всегда старались продлить общение за столом, которое так объединяет и скрепляет семьи.

У меня для приятных продолжений всегда были сюрпризы. Новые напитки, десерты, фрукты.

Укол номер два.

Воскресенье. Мы с Анатолием дома. Таня ушла с подругами гулять. Задержалась, я звоню, телефон не отвечает.

Я уже собралась выйти поискать, как дверь открывается, она заходит в квартиру. Плачет, как маленькая. Одна коленка в крови, струи стекают в балетку.

– Я упала, – рыдает она. – Прямо на эти камни, которые навалили у дорожки. Больно, умираю.

У Тани очень низкий порог боли. Ей казалось, что она умирает от укола.

Я довела ее до кресла и бросилась в ванную за мокрым полотенцем, перекисью, йодом, бинтами.

Возвращаюсь. И остановилась на пороге.

Анатолий склонился над Таней, рассматривает рану. И вдруг он встал рядом на колени и подул на ее ногу, как делают с детьми.

Я сначала так растрогалась: она ведь ему даже не родной ребенок. Но он неожиданно прижался губами к окровавленному и грязному месту. Быстро встал и как-то испуганно посмотрел на меня. Над верхней губой у него были капли пота.

Я молча подошла, все обработала, завязала, повернулась к мужу:

– Свари ей, пожалуйста, кофе. Добавь побольше сахара и сливок. И помой, порежь большое красное яблоко. Тане вредно терять кровь. А боль, детка, сейчас пройдет. Не хочу давать тебе таблетки. Вредно для цвета лица.

Прошло много времени, я сейчас легко посчитаю, сколько месяцев, недель, дней и часов. И укол номер три.

Я возвращаюсь поздно с загородного девичника – круга своих условных подруг, праздных, светских дам.

Одна из них собралась замуж – в пятый или шестой раз.

Мне казалось, что радости по подобному поводу являются самоцелью, ради которой можно потерпеть очередной тягостный брак. В нем как раз сплошные преодоления, связанные с будничной задачей – раздеть по максимуму богатенького супруга во время развода.

Вошла в холл. Там горел свет, оставили для меня. Во всех коридорах, кухне, гостиной было темно. Пробивался свет только под дверью нашей спальни.

Я сбросила туфли и босиком пошла в комнату Тани, чтобы посмотреть, спит ли она.

Она могла ждать меня полночи, чтобы спросить, как было. И я все рассказывала в смешных красках. Как мы любили болтать, шутить и давиться от хохота, закрывая друг другу рты руками, чтобы не нарушить ночную тишину.

Осторожно приоткрыла ее дверь. Горел только ночник на ее тумбочке. Таня лежала в постели, а рядом с ней сидел Анатолий. Он был в одних джинсах, с голым торсом.

Видно, только вышел из ванной и почему-то решил к ней войти, возможно, ей что-то понадобилось. Или она позвала.

Все нормально: он не мог оставить ребенка, если тому стало страшно или одиноко. Но я не постыдилась задержаться на пороге, почти не дыша, и понаблюдать за ними.

Он гладил Танину руку, потом провел рукой по ее волосам, прижал к шее, щеке, губам. Да, так утешают, успокаивают. Но он молчал!

Вот в чем беда.

Прикосновения очень важны в контакте с переживающим ребенком, но необходимы и так естественны слова.

Он педагог, он это знает. А Таня ориентирована на разговор, общение. Ее утешить можно только так.

И все же дело было не только в этом.

Дело было во взгляде, с которым оглянулся на меня Анатолий. То был взгляд человека, который не просто не хотел бы, чтобы его застали в очень двусмысленный момент.

Это был взгляд того, кого вырвали из глубокого, бессознательного провала в томительную и тайную глубину. Так мне показалось тогда.

Я сразу отвела взгляд, потому что не могла смотреть на его лицо.

Он быстро прошел мимо меня, ничего не объяснил нормально, как должен был: «Таня боялась», «Тане стало грустно», «Таня захотела пить», «у нее что-то заболело».

Это сделала доченька:

– Ита! Наконец! Я тебя ждала, потом уснула, и мне приснилось, что я лечу с обрыва. Я кричала, звала тебя. Пришел Толя.

Да, она называла его Толей. Не «папой» же.

Дальше все было как обычно.

Я была в ударе. Описала своих подруг в их брачной холере смешнее, чем раньше. Ушла на рассвете, когда Таня уснула и засопела, как младенец.

Анатолий тоже спал, когда я легла рядом.

Точнее, хотел, чтобы я так подумала.

С того момента я пошла по самой опасной тропе.

На счастливом неведении был поставлен крест. Над доверием, над уверенностью опускалась могильная плита.

Я следила, я затаилась, как бессонный, маниакальный охотник. Не только за ним. Самым главным было выражение лица и глаз дочери. Правда может быть только там.

Но Таня была по-прежнему безмятежной, довольной или грустной по своим, девчоночьим, причинам.

Но я знала, какими усилиями сама добивалась этого сознания внутренней защищенности, доверчивости и добродушия.

Я, человек с очень сложным характером, хотела, чтобы Таня не знала моих сомнений, подозрений и обвинений по отношению к остальным людям.

Это лишняя тяжесть, это невозможность безразличного покоя и ликования от самого факта существования.

Никогда и ничего я не хотела так сильно, как покоя и радости своему ребенку. Она и усвоила, что пока я рядом, у нее все может быть только хорошо.

И мне не было стыдно рассматривать незаметно по сантиметру тело обнаженной дочери, когда я по обыкновению промывала сама ее длинные волосы.

Не знаю, что я хотела и боялась там найти, но вздрагивала от любого пятнышка. Потом понимала, что это родинка или пигмент, и вздыхала с облегчением, как будто поймала глыбу над ее головой.

Это был путь приближения к аду.

Я уезжала из дома, когда они оставались вдвоем, говорила, что вернусь вечером, а сама появлялась без предупреждения через два часа, через полчаса, через пятнадцать минут.

Я сознательно засиживалась со своими приятельницами до поздней ночи или до рассвета, а потом кралась на цыпочках.

Ничего криминального не обнаружила.

Они, как и при мне, могли лежать рядом на диване и смотреть телевизор, сидеть за одним столом и играть в компьютерную игру.

Толя мог склоняться над Таней, когда она делала домашние задания, касаться ее плеча, руки, спины.

Ничего такого, кроме его взгляда, выражения лица. Кроме уклончивости в нашем с ним контакте, новой манере проходить мимо меня.

Рядом прошел, а как будто обошел за версту.

Беседы наши за столом были такими же оживленными, за исключением того, что Анатолий говорил все реже.

По ночам мне так же приятна была его близость. Просто ощущение, что он рядом, я в его тепле, родном запахе. Но объятия все чаще обрывались, как будто разрезанные острой мыслью, которая превратилась в убивающий желание клинок.

Да, возможно, дело было именно во мне и в его реакции на мою ядовитую подозрительность.

Иногда такие вещи притягивают именно то, чего не хочешь, чего больше всего боишься. Подозрение может родиться раньше преступления.

Оно может стать родителем беды. Но это уже размышления после факта.

И подошел к концу путь приближения к аду. Начался ад.

Глава 3

Ад

В конце ноября я каждый год ездила в наш подмосковный дом на день рождения отца. Он родился двадцать третьего, я приезжала за несколько дней, чтобы все убрать и приготовить ужин для очень маленького круга его друзей. Так было и в тот наш беспокойный год. В тот раз решила поехать на электричке, а не на машине: была жуткая слякоть, на шоссе вечерами наледь, в поселке дороги превратились в непроходимую грязь.

Электричка прибыла в Москву вечером.

Я была практически без вещей, поехала домой на метро. Со двора посмотрела на окна квартиры. Свет горел только в гостиной. Открыла дверь своим ключом. По своему идиотскому обыкновению последнего времени никого не окликнула, сняла туфли, куртку и бесшумно прошла до порога гостиной.

Сверкающий ужас того, что я увидела, ослепил меня навсегда. С тех пор я реально перестала видеть яркость красок.

Анатолий лежал посреди комнаты.

По его белой майке расплылось кровавое пятно вокруг торчащего из раны ножа.

Рядом странно скорчилась Таня. Она стояла на коленях, голова склонилась к ним, а руками она закрывала лицо. Окровавленными руками.

Я застыла на секунды в тяжелой тишине, в вязких испарениях смерти и не сразу уловила тихий монотонный звук: это дыхание Тани превратилось в тоненький, непрерывный стон.

Я так хорошо помню тот момент спустя годы, что анализировать каждую секунду буду, наверное, до своего конца. И каждую свою эмоцию, каждое движение, порыв и жест я видела, как сторонний, без усталости наблюдающий свидетель.

Я сразу поняла: все теперь зависит от меня. Почти все. И сейчас точно скажу, какой был мой единственный мотив. Страх за судьбу дочери.

Я должна действовать, потом постараюсь понять.

Я постаралась коснуться Тани легко, чтобы не испугать. Позвала ее шепотом.

Она прижалась головой к моим ногам, не отрывая рук от своего лица. Дыхание-стон превратилось в громкий выдох-всхлип.

Я подняла ее.

Да, я первым делом не бросилась проверять: жив ли муж.

Я повела Таню в ванную. Сняла там все, что на ней было. И отмывала тщательно под горячим душем все: тело, волосы, даже ногти срезала под корень и чистила их щеточкой с мылом. То же самое – на ногах: она стояла там босиком. Вытерла насухо, надела чистую ночную рубашку и отнесла ее к ней в комнату на кровать, укрыла одеялом.

Что помню: я несла девочку на руках, совсем не чувствуя тяжести. Маленькой она казалась мне тяжелее. А в ту ночь я совсем не чувствовала тяжести ноши. И это было в год, когда мы с ней начали носить вещи одного размера. И в весе небольшая разница.

Это говорит о том, что в момент нашего несчастья я сумела так собраться, чтобы прекратить существование как человек с собственными ощущениями, чувствами, паникой и болью.

Я разрешила жить только своей силой.

Я уложила дочку, укрыла одеялом, подоткнула его со всех сторон, пошептала что-то бессмысленное и утешительное.

Таня несколько раз пыталась заговорить, но язык ее не слушался, подбородок дрожал, она начинала задыхаться.

Все, что я слышала: «Мама, я не... Я нет».

Помню, что я просила ее верить мне, ничего никому самой не говорить, я потом ей скажу, что будем делать.

Да, я грела дочери молоко, искала для нее таблетки и капли, которые не повредили бы здоровью: я почти не пичкала ее лекарствами.

А муж все лежал там, брошенный.

Нет, он не мог быть живым. Мне достаточно было взгляда. Он был именно брошенным, второстепенным.

Если бы не то, что произошло дальше, я бы сумела сейчас горько пожалеть его. Я бы сумела его оплакать.

Когда Таня уснула в моих руках – о, счастье, – ее не покинул еще детский доверчивый сон рядом с мамой, – я вернулась туда.

К своему уничтоженному покою и беспокойству. Убедилась, что пульса нет. Что живое тепло почти покинуло тело Толи. Опустила его веки. Коснулась губами его красивых губ. Простилась. И начала уничтожать улики.

Да, я допускала тогда, что его убила Таня и что это сделала не она. Что она просто его увидела уже убитым.

В любом случае мы будем именно это утверждать.

Но как доказывать столь невероятную версию?

Ключа от квартиры, кроме нас троих, ни у кого не было. Замок не сломан, никаких очевидных следов чужого присутствия.

Я посмотрела в ящиках письменных столов – своего и мужа, – где лежали обычно деньги и документы. Все на месте. Главное даже – не как это доказывать, но кто этому поверит и кому понадобится отвлекаться от того, что абсолютно очевидно.

Я аккуратно, но тщательно протерла рукоятку ножа, не вынимая, конечно. Протерла следы Таниных ладоней на полу. Сложила в большой пластиковый мешок одежду Тани, завернула в полотенце и положила туда же ее ноутбук.

Кто знает, что она там писала, чем и с кем делилась. Сейчас это все точно захотят изучить.

Я сама не знаю, что моя дочка могла писать. Никогда не заглядывала. Потом посмотрю. Туда же отправился ноутбук мужа. Как-нибудь объясню его отсутствие.

Затем второе, очень важное дело.

В нашей спальне Анатолий держал маленький сейф: снял как-то со счета все сбережения, сказал, что лучше положиться на милость грабителей, чем точно знать, что тебя ограбит государство.

Код я знала, посмотрела, вроде все на месте, я не в курсе, сколько должно быть. Перевязала его полотняными ремнями для переноски тяжестей и вытащила на площадку. Туда же мешок с вещами и ноутами.

Убедилась, что Таня крепко спит, закрыла входную дверь и потащила все это к подъезду. Время было очень позднее, в доме тишина.

Я по стенке подошла к камере видеонаблюдения в подъезде, направленной на лифты, без вещей и разбила ее молотком, повредила кабель. Подогнала машину к подъезду, все погрузила. И понеслась к единственному месту, о котором тогда почти никто не знал.

Это крошечный домик моей дальней тетки, которая умерла совсем недавно, оставив завещание на меня.

Я еще не сдала документы на оформление. Это глухой, медвежий угол Подмосковья, он ничего не стоит, есть там одна ценность. Старый высохший колодец за домом.

Вот туда я полезла по шаткой лестнице. Пол был выложен большими неровными камнями. Они шатались от времени и еще сохраненной на дне влаги. Я легко вынула несколько. Все завернула во много слоев пластика, зарыла голыми руками, завалила камнями.

И лишь потом, через несколько часов, я вернулась в дом, помыла руки. Подошла к мужу, подержалась за рукоятку ножа, коснулась его крови своими пальцами, постояла ногами в носках рядом с его телом. И позвонила в полицию.

Вошла к Тане и дала ей, совсем сонной, еще одну таблетку, на этот раз сильного снотворного. До их приезда она будет спать почти под наркозом. Они ничего от нее не услышат.

Часть вторая

От сумы и тюрьмы

Глава 1

По поверхности бездны

Они приехали быстро, хмурые, грубые мужики. Я сразу определила их для себя как врагов. Спросила, кто из них следователь. Сказала:

– Мы с дочерью переживаем страшный стресс, поэтому вряд ли сейчас можем что-то прояснить. Скажу главное. Я вернулась из Подмосковья и обнаружила тело мертвого мужа, а рядом дочь без сознания. Понятия не имею, что могло случиться до ее прихода. Моя дочь не может пока говорить. Она страдает заболеванием сердца. Мне пришлось выводить ее из приступа, поэтому не смогла сразу позвонить в полицию. Сейчас Таня спит под препаратами. Я не позволю ее разбудить. Речь о ее жизни. Сразу скажу, что мы не давали ключей посторонним людям, даже знакомым. Но это, разумеется, не значит, что ни у кого не было возможности сделать копию.

– То есть вы утверждаете, что ваша дочь вошла в закрытую, как обычно, квартиру и увидела убитого отца?

– Да, именно это я и утверждаю. Вряд ли смогу сейчас хоть что-то предположить о том, что произошло на самом деле.

– Сейчас и не нужно, – сказал следователь. – Пусть поработает эксперт. Мы вас вызовем. Обоих. Дочь будут допрашивать в присутствии специалистов.

Эксперт все же настоял на том, чтобы он осмотрел Таню. Она не проснулась, когда он брал ее отпечатки пальцев, проверял, что у нее под ногтями. Да, ножки ее он тоже осматривал.

Я держала и давила свое сердце, как полуживого птенца, который в отчаянии может вырваться из груди. Меня осмотрели и записали все в протокол, само собой.

Я объяснила, что сначала хотела вытащить нож в надежде спасти мужа. Потом вспомнила, что этого нельзя делать.

Да, касалась его, проверяла пульс. Трогала лицо, прощалась. Сказала, что в квартире ничего не пропало, насколько я смогла проверить. С ноутбуками вообще обошлось.

Следователь просто спросил:

– Я правильно понял: у вас один компьютер и один ноутбук на троих?

– Да.

Следователя звали Николай Васильевич Никитин. Человек без внешности, возраста, эмоций и особых примет.

Когда они все уехали на рассвете, когда увезли тело Толи, я бессильно упала в кресло. О том, чтобы лечь на нашу с мужем кровать, не было и речи.

В этом кошмаре у меня была крошечная надежда. Этим казенным людям нужно просто казенно выполнить свое дело.

Если они не схватили преступника за руку, если не нашли прямых улик, если никто не будет требовать найти убийцу, – то им же спокойнее. Поищут для виду, поспрашивают, заполнят свои протоколы, – и все уйдет в раздел их «висяков», как чаще всего и бывает.

Я – потерпевшая по делу, но я дам понять свою позицию.

Мужа не вернешь, дочери требуется все мое внимание и помощь, жажды мести нет. В смысле, как у вас получится.

Разумеется, на самом деле я точно знала, что буду искать правду, что приму любую. И если это сделала не Таня, то найду способ искать и наказать убийцу.

Такое роковое «если не».

Это возможно, лишь когда минует опасность со стороны следствия для дочери и меня. Если все же Таня, – значит, преступление совершил Анатолий.

Мне нужно в нем разобраться. И я в любом случае приму приговор дочери, научу ее с этим жить.

Я просидела до позднего утра, застыв и почти не дыша.

Я держалась из последних сил за свою жалкую надежду. Я сжимала ее в зубах, впивалась в нее ногтями. Заклинала всем для меня святым – не покидать меня.

Но никому и ничему не верьте в горе. Даже надежде. Она тоже предаст вас.

Глава 2

Следствие

Если бы я была следователем, дознавателем, прокурором или судьей, – почему нет? – то, разумеется, тоже не искала бы деликатных слов и мягких прикосновений к ранам.

Задача тут одна – услышать правду или хотя бы ее подобие. Есть труп с ножом в груди – должен быть убийца. Проще не бывает.

Никто не обязан примерять на себя роль потерпевшей, она же подозреваемая, она же мать дочери, которая могла быть или причиной преступления, или убийцей. Возможно, тем и другим.

Я четко это понимала, была готова ко многому, верила в свою устойчивость и выносливость. В способность вести ситуацию в том направлении, которое выберу я. Но...

Невозможно вообразить себе, что в этих тисках происходит с душой, чувствами, с самой возможностью ощущать себя человеком.

Тебя просто выжимают, выворачивают наизнанку твои тайны, твои самые скрытые страхи и слабости, твою привязанность и самые жгучие желания.

Это все разложат на не очень чистом столе, встанут вокруг и начнут ковырять. Кто руками, кто взглядом, кто голосом запугивания и угроз.

Да, ты больше не человек, ты не женщина. Твои отношения с мужем, ваша близость, ваша взрослая и сокровенная тайна, ваши тела – их добыча.

Эти плоские, примитивные, неуклюжие и жестоко-циничные люди будут все рассматривать по тысячному кругу, не мигая холодными рыбьими глазами. Будут во всем искать грязь, мотив, преступления.

Сказать, что это невыносимо, – ничего не сказать.

Пока речь шла только обо мне, моих показаниях, я спасалась одним способом. Представляла себе время, когда все закончится. Не имеет даже значения, как. Просто закончится. И я пойду по улице, как свободный, полноценный, взрослый человек. Как привлекательная, здоровая, образованная и неглупая женщина. Как Маргарита, у которой все в порядке.

А навстречу мне идет это унылое недоразумение, которое унижало и фактически пытало меня сегодня столько часов подряд. И я подхожу со всей со своей грациозностью преподавателя танцев и укладываю его мордой в грязь. И с таким счастьем отсидела бы потом пятнадцать суток.

Да, я спасалась, пока речь шла только обо мне. Но такая возможность исчезла, когда они взялись за Таню. Вот когда бездна под ногами оказалась вулканом.

Когда Таня смогла говорить, она рассказала мне примерно то же, что я уже сообщила следствию. Только она не приходила в тот вечер домой с улицы. Она была с отцом дома. Говорит, что они вместе готовили ужин, потом ели. Потом смотрели кино. Потом...

В этом месте Таня менялась, в глазах растерянность, страх. И я видела, что она не приговаривается, не пытается что-то скрыть. Она на самом деле не может вспомнить, восстановить порядок событий.

Что-то произошло.

Отец сказал или сделал что-то, что ее очень обидело. Ее даже затошнило. Она побежала сначала в ванную, потом к себе в комнату. Долго лежала на кровати, потом слышала музыку в наушниках. Дальше ничего не помнит. Как вышла, как оказалась рядом с ним, что видела в комнате, почему у нее руки были в его крови...

Тут дело в том, что у Тани с раннего детства была одна особенность. Почти болезненная стыдливость. Нет, без почти. Это на самом деле было чем-то чрезмерным, болезненным.

Я даже думала о помощи психотерапевта.

Маленький ребенок вдруг начал пугливо прятать свою наготу. Любое неловкое прикосновение доставляло ей дискомфорт, даже страдание.

Я подумала о враче, когда она уже была в младших классах. И какой-то маленький придурок на потеху другим ребятам задрал ей во дворе школы юбку. Никто особенно не обратил внимания, а Таня заболела.

У нее были все признаки депрессии, она смотрела затравленно, вопросительно и испуганно.

Я выводила ее из этого состояния терпеливо, не торопясь, пытаюсь понять, в чем дело. Кажется, я поняла. Это было гипертрофированное осознание своего пола.

Девочка воспринимала его как постыдную тайну, с которой все пытаются сорвать покровы. Возможно, я пропустила какой-то эпизод ее раннего детства, сместивший представления и даже повредивший детской психике. Вспомнить это она уже не могла. Но и к врачу она бы не пошла. Это исключено: включать в такую тайну чужого человека.

Я делала все, что могла. Не очень много. Книжки, картины, фильмы, музеи. Красота человеческого тела, естественность всех человеческих проявлений.

Да, она все понимала, со всем соглашалась, когда мы были одни. Она была моя ласковая, доверчивая девочка. Но с другими людьми все оставалось по-прежнему. Как было с Анатолием, я уже говорила. Он был Толя, а не отец, этим все сказано.

Я миллионы раз все анализировала, перетирала все воспоминания. Внешне все было прекрасно. Таня любила его, меньше, конечно, чем меня, но больше остальных людей.

Но события рокового вечера все сместили в ее голове.

Разумеется, в интересах ее здоровья Таню нельзя было допрашивать. Но у них не было цели – беречь ее здоровье. Они искали убийцу. Допросы, пусть и в присутствии врача и педагога, были чудовищными. В нашем конкретном случае.

Я даже не знаю другую девочку-подростка, которая бы так панически реагировала на подобные вопросы. Ее спрашивали, как трогал ее отец, заставляли в разном порядке описывать те часы, когда они оставались вдвоем. Прерывали неожиданными, коварными, по-взрослому откровенными и бесстыдными вопросами.

Моя версия, заученная Таней, о том, что она пришла с улицы, значительно смягчала эти допросы. Но как она могла изменить жестокую, неотвратимую суть. После осмотра гинеколога Таня слегла. Безучастная, слабеющая, почти угасающая. Перестала есть и спать. Она оказалась девственницей, что не снимало подозрений.

Я с самого начала отказалась от идеи нанимать нам адвоката. Это была демонстрация прозрачности нашей позиции, во-первых. И моя единственная возможность скрыть от следствия спрятанные деньги. Не на что адвоката.

Я допускала, что за мной следят.

Состояние моего жалкого счета им известно, как и сколько осталось на моих картах и наличными в ящиках наших с Анатолием столов. Больше я не могу тратить, пока не найду работу. А дело все двигалось к обвинительному заключению.

На версии постороннего убийцы поставили жирный крест.

Мне назначили бесплатного адвоката – неуверенного паренька с дефектом речи. Его звали Павел Афанасьев. Мы пообщались, и он сразу мне сказал:

– Ситуация настолько плохая для вас обеих, что для нас проще всего согласиться с виной Тани, тем более, даже вы не уверены в том, что убила не она. Девочка, с ее особенностями психики, в столь сложной ситуации – не преступник, а жертва. Конечно, вам стоит допустить, что отношение отчима к падчерице было особым, скажем так. Допустим, что-то произошло в тот вечер, и девочка в состоянии аффекта защищалась от сексуальных домогательств. Эксперт заключил, что она могла совершить удар такой силы. Как я понял, Таня поступит так, как вы ей скажете. Мое предложение: пусть сделает чистосердечное признание, но в той форме,

которая не опровергнет все ее предыдущее показания, они не станут ложными. Она скажет, что вошла с улицы, стала, к примеру, переодеваться, а отец совершил по отношению к ней какие-то действия. В желании спастись она могла сделать то, о чем сейчас не в состоянии вспоминать. Дальше потребуется лишь согласиться с предположением обвинителя. Да, она могла схватить нож. Помнит, что он был рядом. Срок ей не грозит, только лечение в специальной клинике.

Паша изложил все, что могло быть потолком его мастерства. Это не профессионал такого уровня, который мог бы посеять сомнения у суда в том, что следствие изучило все обстоятельства. Что оно могло пропустить какой-то главный след. Они рыли на поверхности и находили свидетелей, которые лили воду на их мельницу.

Я видела показания преподавателей и учениц колледжа, которые приводили примеры того, что Анатолий относился к Тане лучше, бережнее, ласковее, чем ко всем.

Чертовы клуши, сплетницы, завистницы.

Нет, он должен был ее игнорировать, гнобить из педагогических принципов. Он считал ее дочерью! Знал, что она необычный, ранимый человек.

Признание? Клиника? Убийство богатых эмоций препаратами? Пытка изоляцией от меня? Сознание того, что она убийца, на всю оставшуюся жизнь? На прекрасную жизнь чудесной, волшебной, ни на кого не похожей девушки, женщины? Жизнь, которая не состоится, потому что ее втопчут в грязь и кровь.

Да, моя дочь могла в состоянии аффекта убить мужчину, который обманул ее доверие. Но это только наша тема, наш общий вопрос. Таня на него ответит, когда сможет, все восстановит, когда вырастет и справится, если захочет.

Официальная, казенная печать убийцы, тяжелая рука «корректирующей» психиатрии повесят на двери в будущее замок.

Нет. Так не будет.

У меня оставался единственный выход. Паша узнал о нем уже по факту.

Глава 3

Выход

Я сделала признание в убийстве мужа.

Я вошла в квартиру в тот момент, когда муж был готов изнасиловать дочку. Она была в полуобморочном состоянии, не могла сопротивляться. Я схватила нож...

Было ли желание убить? Да, наверное, было. Во мне поднялась ярость не только матери, но и оскорбленной женщины.

Лгала не потому, что боялась ответственности, а потому, что не хотела оставлять ребенка. Ей будет очень трудно без меня. У нас практически никого нет.

– Какая глупость, – сказал Паша. – Я, конечно, буду говорить о самообороне, защите близкого человека. Она допускает даже убийство. Но... Ваш покойный муж по всем характеристикам – не безумный агрессор, которого иначе невозможно остановить. Это будет понятно всем. Он тот человек, который испугался бы одного вашего появления. Но... как хотите. Дело ваше.

– Да, – сказала я. – Мое. Это должно как-то закончиться. Каждая минута чудовищного разбирательства убивает моего ребенка. Я и так боюсь, что слишком затянула.

Меня арестовали днем.

Утром я долго говорила с Таней, заставила ее повторять наизусть все, что она будет говорить и делать дальше. Позвонила папе, попросила срочно приехать. Договорилась со знакомым юристом, что он оформит папину опеку над Таней на время моего заключения.

Вы не поверите, но нам всем стало легче.

Таня даже вздохнула и сказала, что они с бабушкой ко мне сразу приедут. Что она будет ждать, учиться, даже готовить. Ее врач обещал написать ей справку на время процесса. Она не должна это слышать.

Мне было все понятно, почти спокойно.

Они, эти казенные лбы, получили, что хотели, но были ошарашены внезапностью. В любом случае я подарила им возможность покончить с неудобным делом, отчитаться о раскрытии. Получите, распишитесь и не благодарите.

Ночью меня разбудили в СИЗО.

Тело Тани нашли на скоростной трассе на окраине нашего района. По ней проехал большегруз. Версия – самоубийство.

– Этого не может быть! – я кричала, билась, рвалась.

Этого не могло быть. Это второе убийство, вытекающее из первого. Но я уже ничего не могла. Ни достучаться, ни призвать помощь, ни доказать что-то.

Я была в клетке.

У меня не было ни прав, ни голоса, ни выхода из несправедливости, рокового несчастья, непоправимой потери, не совместимой с моей жизнью. Она мне не была больше нужна.

Я призывала все высшие силы послать мне тупость и безразличие. Только не эта острая, испепелившая мои внутренности боль.

Часть третья

Зона

Глава 1

Мое шоу

Зона – это не место. Не срок по приговору. Это даже не ограниченность в передвижении, действии, не чудовищное вторжение в человеческие потребности.

Это черный занавес, который опускается за сознанием свободного, независимого человека. Ты засыпаешь и просыпаешься в теле, ставшем чужим. Ты представляешь интерес только для конвоя и преследователей. Твои мысли подлежат сожжению, настолько они неуместны и устарели. Твои страдания необходимо завалить самой тяжелой и надежной плитой, чтобы они сохранились до свободы к ним вернуться.

Нет ничего унижительнее, чем страдания узника, – кому-то для потехи, кому-то на радость.

Я с готовностью уходила в свою зону мрака и отчуждения.

Есть такая наука – заморозить и заблокировать в себе все человеческое, теплое, нежное и уязвимое. Мне было все равно, на какой срок.

Оставшиеся силы я потратила на главные распоряжения. Договорилась с Пашей, что он добьется полной посмертной экспертизы Тани и получит на руки заключение.

«Папа с тобой расплатится, я ему сказала». И написала запрет на кремацию мужа и дочери. Они еще смогут что-то рассказать. Когда я вернусь.

Это все, что я сделала для своего будущего на тот случай, если оно будет.

Перед судом Паша пришел ко мне с идеей:

– Маргарита Викторовна, все изменилось. У нас больше нет причины поддерживать ваше признание. Мы можем сказать, что Таня только вам призналась в убийстве, что покончила с собой, потому что не вынесла вашего ареста. Вам не нужно больше спасать дочь. Вы не виновны.

– Ты себя слышишь? – спросила я презрительно. – Ты предлагаешь мне оговорить мою девочку именно сейчас, когда она окончательно стала беззащитной? Оболгать ее память? Забудь о таких ходах, иначе ты никогда не станешь адвокатом.

В свое шоу-суд я ступила спокойно. Они все играли по моим правилам.

Эксперт даже внес коррективы в свое заключение: допустил, что смерть Анатолия наступила на час позже, чем он предполагал ранее.

Я рассказала правду о своих подозрениях последних лет. Они были на самом деле, я помнила каждую мысль и каждый укол открытия. Озвучила совершенно бесстрастно, но прозвучало все, конечно, более чем достоверно. Отвергла сама версию самозащиты или защиты дочери.

– Мой муж был лишен агрессии. Он даже испугался, увидев меня. Он ничего непоправимого не успел сделать. Но я не могла больше справляться с собой. Да, это был гнев оскорбленной матери, ревность обманутой жены. Не сожалею. Прошу понять меня правильно: мне жаль, что муж умер, но я не думаю, что такой сильный порыв эмоций можно было выразить другим способом. И жить с этим мы с ним не могли бы. Готова ответить. Заслужила это. Большого наказания, чем гибель дочери, для меня не может быть.

Меня слушали внимательно, временами почти сочувственно.

Смерть Тани произвела на них всех впечатление. Им, как и мне, было известно, что я могла бы выдвинуть обвинение против следствия в доведении до самоубийства.

В процессе следствия я постоянно делала заявления, писала жалобы на жестокость допросов. На суде я не произнесла об этом ни слова, как, разумеется, и о своей уверенности в том, что самоубийства не было. Было убийство.

Паша зачитал по бумажке длинный список моих смягчающих обстоятельств. Судья в некоторых местах кивала.

Все это учли, как и мой новый статус осиротевшей матери. Приговор – пять лет колонии общего режима. Точнее, где-то за Серпуховом.

Прощаясь, папа плакал и говорил, что приедет.

– Пожалуйста, не нужно, – попросила я. – По крайней мере, до тех пор, пока я не смирюсь с мыслью, что ты видишь меня за решеткой. Подожди, пока освоюсь. Надеюсь, мне разрешат оставить мобильный телефон. Позвоню или напишу тебе адрес, ты сможешь прислать посылку. А пока присмотри за Таней. Сделай все, как я сказала. Следи за могилой, спрячь как следует документы, которые принесет тебе адвокат. До встречи, мой дорогой. Мы справимся и с этим. Я не убивала Анатолия, если для тебя это важно. Просто так было нужно сказать. Поймешь когда-то.

Куда еще тащиться человеку с моей смятенной, смертельно раненной душой, если не на зону. За колючую проволоку между мной и мной.

Вчера и сегодня. Между жизнью и ее отсутствием.

Глава 2

Имя нам – криминал

Двадцать серых, уродливых подобию женщин – такой была моя семья на ближайшие пять лет. «Рабочая хата» в бараке. Общий стол, параша, баланда, койки со смешанным дыханием, хрипами, храпом и матом. Пройдет немало времени, пока я начну различать их по лицам, голосам, отношению к себе.

Первый этап знакомства – это волна насмешливой неприязни, недоброго любопытства и неприкрытой зависти.

Во-первых, я социально чужая.

Интеллигенция на Руси до сих пор обязана оправдываться за «образованность», которая традиционно вызывает дикарский протест и массу подозрений.

Во-вторых, я еще не была похожа на них. Сама удивлялась. Из пожара своего стремительного горя я вышла с тем же лицом и с той же фигурой. Даже похудеть не успела.

Из маленького карманного зеркала на меня смотрели знакомые большие темно-серые глаза. Их отстраненность и горькое безразличие со стороны могли казаться покоем. Брови тонкие, овал лица строгий, рот казался свежим и совсем не бескровным. А кожа – гладкая, нежная, окрашенная в смуглый, чуть золотистый цвет, – мое наследство заморской прабабки, – она, как всегда, поражала воображение других женщин.

Ведь я попала в то единственное место, где никого не заподозрят в макияже и даже просто в каком-то уходе за собой. Плеснула с утра в глаза вонючей водой, отстояв очередь, – вот и весь уход.

Не стану описывать тягостный процесс обживания места, непригодного для жизни вовсе.

Невозможно передать сложности контакта с обозленными, отчаявшимися и реально опасными людьми твоего пола. Это непредсказуемый спектр самых парадоксальных эмоций и их проявлений. Скажу лишь одну вещь.

Я справилась, я не стала жертвой, мишенью, растоптанной, использованной подстилкой, девочкой для насмешек, унижений и битья, потому что мне стал интересен этот чудовищный, этот мой новый мир.

Я хотела в сплошной массе рассмотреть отдельных людей, у меня это получилось. И навстречу однополуму сексуальному призыву не пошла, сумев никого не обозлить отказом. Получилось доступно объяснить свою ориентацию, которая не пошатнулась от обстоятельств. При всем понимании другого выбора.

Речь, конечно, только о случаях добровольного, обсуждаемого предложения. Другие случаи без комментариев и понимания: здесь работали только мой яростный протест и хорошая физическая подготовка.

Я увидела рядом женщин с их горем, трагедиями, потерями. За дикими, хулиганскими выходками вдруг следовал приступ страха или боли. И нередко так получалось, что за помощью, разъяснениями и утешениями они обращались именно ко мне.

«Ты, Маргоша, у нас ученая...»

Да, у меня были «коллеги» – мужеубийцы. И, странное дело, моя статья уравнивала страшный недостаток моей интеллигентности. Когда все немного привыкли ко мне, сокамерницы говорили почти с гордостью:

– Это Марго. Она вообще учительница и тоже мужа грохнула. Он директор был. Потому что правильная баба. За дочку постояла.

Примерно так начинался мой смешной авторитет. Его преимущества переоценить сложно. Он в какой-то степени помогал избегать насилия – садистского и сексуального.

Был период, когда я не разрешала себе даже провалиться в крепкий сон.

Я давилась жуткой бурдой, чтобы не утратить физические силы. Они были нужны для сопротивления.

С этой же целью я завела что-то похожее на флирт с майором «отрядником».

Смешно сказать, но этот козел в меня настолько влюбился, что проглотил байку о моей внутренней травме, из-за которой я якобы и убила мужа.

Согласился на компромиссный вариант. После убогой, скотской прелюдии он совершил половой акт сам с собой. Моего присутствия хватило для его блаженства. После любовного свидания он попросил разрешения сделать «фотку на память». И в дальнейшем я время от времени поддерживала «роман», чтобы другие не лезли. За это завхоз по его распоряжению выделял мне лучшие куски и большую порцию. Но самое главное – меня по ночам пускали в физкультурный зал для персонала.

Наступило время, когда я знала о своих подругах по несчастью практически все.

Среди них были совершенно невиновные, отбывающие срок за других. Были тяжелобольные, страдающие, оставленные близкими, оставившие детей, о которых ничего не знали.

Им всем хотелось человеческого тепла, любых, самых банальных советов, ободряющей информации, крошечной надежды.

Я научилась их жалеть и ценить жалость к себе. Но дальше версии, которая значилась в моем досье, конечно, никого не пустила.

Да, есть место, где убийцей быть почетнее, чем заключенным с непонятным статусом «политическая».

Вот этих, как правило, ни в чем не виновных, травили злостно, по приказу вертухаев. Это были настоящие жертвы. А поскольку у нас политических в теории нет, то у них самые нелепые уголовные статьи.

У одной девушки из нашей «хаты» было нанесение тяжких увечий с целью убийства полицейского на митинге. В деле фигурировал его сломанный зуб. Чтобы вы поняли: она весила сорок один килограмм, была страшно близорукой и падала в обморок при виде крысы.

Из-за нее я и вступила однажды в настоящую жестокую драку. Потом меня же, окровавленную, бросили в изолятор как зачинщицу. Я там выла от боли и зализывала раны. Вытащил меня мой отрядник, отправил на пару дней в «больничку».

Я вышла оттуда злая и готовая к мести. И тут домушница, которая в числе других калечила меня, ночью стала орать и подыхать, по всему, от отравления.

Все безучастно смотрели, как ее выворачивает. Когда она завопила: «Марго, помоги, хоть придуши, не могу больше», – я ответила:

– Так ты же специалистка. Придуши себя сама.

Понаблюдала еще немного, а потом встала и начала ее промывать. Грубо, как засорившуюся ржавую трубу.

Из препаратов нашла по тумбочкам только соду, зато много, килограмма два. Барахталась с ней до рассвета, отмечая, что брезгливость во мне полностью атрофировалась.

Утром я удивилась, что моя пациентка жива. А она смотрела благодарно, как недобитая собака. Во мне не было больше ни ненависти, ни желания мести.

В том содружестве под названием «исправление криминала» за отсутствие совести платили жалкие, уязвимые тела. Их рвала на части боль, они корчились во мраке абсолютного равнодушия.

Кто-то выживал, кто-то нет в царстве победившей жестокости, приговора всему живому и человеческому. И я добывала в себе уцелевшие, живые клетки тепла, не сожженные собственным отчаянием.

Я делилась ими с несчастными.

Могла бы сказать, что в том был только расчет: добро всегда возвращается в какой-то степени. Но нет, дело не только в этом. Что-то осталось в душе после того, как из нее с корнем вырвали любовь, доверие, надежду. Все, что делало меня живой.

Что-то человеческое осталось, но мне самой это было больше не нужно. Могла и отдать.

Глава 3

Соколовская, на выход

Меня выпустили через полтора года по амнистии для женщин, совершивших правонарушения в условиях домашнего насилия.

Даже не знаю точно, в чем тут дело, но скорее всего руководство колонии похлопотало. Очень уж я приглянулась отряднику.

Характеристики у меня были такие, что странно: как меня не встретила делегация Госдумы, чтобы сразу вписать в свои кристально чистые ряды.

Доехала от вокзала на метро, взяла ключ у бывшей дворничихи Гали на первом этаже, прервала ее плач-причитание. Отстранила, когда она хотела меня обнять:

– Потом, Галя. Я пока прокаженная. Прокопtilась в дыму мерзости, воздуха убийц и вывернутых, страшных душ. Надо отмыться.

Галя собрала мне какую-то еду: горячую вареную картошку, хлеб, селедку в банке. Сбежала за бутылкой водки. И я вошла в свою квартиру. Туда, где были убиты покой, доверие, семья, любовь. И в этом убийстве я соучастник, неизвестно пока кого.

Я точно притянула злодея или целую банду своими подозрениями, своей больной, обостренной чувствительностью. Этой несчастной, страшной склонностью ждать только худшего развития событий. Видеть во всем приметы преступных желаний или намерений.

Как это могло случиться? Чье внимание коварно и подло притаилось в тени нашей обычной, внешне совершенно благополучной жизни? Кому мы понадобились? Чью невероятную ненависть, месть или зависть могли вызвать?

Пока это совершенно необъяснимо. Что-то подобное бывает там, где есть даже не большие, а слишком большие деньги. Или какая-то сумасшедшая страсть. Кого, к кому?

Я, возможно, совсем мало знала о муже. Я и о своей ненаглядной доченьке знала лишь то, что люблю ее больше жизни.

Я сидела и пила в кухне, пока Галя прибрала квартиру, постелила мне чистое белье на кровать.

Я сказала ей, чтобы налила в ванну максимально горячую воду. Влезла, кожа сразу стала багровой.

Я умом понимала, что это почти кипятки, но тело никак не отзывалось на боль.

Думаю, если бы я сейчас взяла нож и медленно резала себя вдоль и поперек, я бы не смогла разбудить физические болевые ощущения.

Все во мне было напряжено и собрано для одной задачи – не дать проснуться страданиям. Заблокировать воспоминания. И задушить свободное дыхание, которое позволяет независимо трепыхаться оттаявшему от жара и водки сердцу.

Только незаметные вдох и выдох для того, чтобы поддержать мозг до поры. До той поры, когда придет время во всем разбираться, читать прошлое.

Зона – неплохой тренер.

Когда я вышла, обнаженная, почти сваренная, ярко-красного цвета, то была уже к чему-то готова. Действовала на автомате, приступив к самым простым и трудным решениям. Собрала в ящиках столов все семейные фотографии, сложила в металлическое ведро и сожгла.

Оставила лишь два маленьких, но четких снимка Тани и Толи. Не для памяти: я их не забывала, а для возможных помощников в расследовании.

Мой компьютер не сразу, но ожил, впустил меня. И я за два часа уничтожила все снимки, кроме тех, где мы с другими людьми. Это тоже может пригодиться.

В почте оставила письма от тех знакомых, которые были достаточно близки к нам в реальной жизни.

Когда встала из-за стола и подошла к большому зеркалу – впервые за полтора года увидела свое полное отражение, – кожа на теле и лице приобрела нормальный, мой, смугловато-золотистый цвет. И я привычно поблагодарила заморскую бабку за генетику.

Я выглядела как всегда. Как до всего. Как будто вышла не из мясорубки, а из пены для Афродиты.

Глаза спокойные, широко открытые, губы свежие, а я думала, они высохли, сжались в узкие змейки, за которыми только колючая проволока терпения и затаенная злость.

Тело не похудело, не раздалось, не обвисло, не сморщилось.

Да, и тебе, отрядник, спасибо.

Мне это нужно? Конечно. Необходимо. Исключительно для битвы. Не знаю пока, какой.

Ночь я провела на широкой кровати, вытянувшись по одному краю, как на нарах. Не разрешала себе шевельнуться, чтобы тело не вспомнило слишком резко человеческую или, не дай бог, женскую жизнь.

Утром позвонила папе, сказала, что приеду: мне нужна его помощь, чтобы срочно продать эту квартиру и купить другую.

По поводу расходов объясню не по телефону.

Часть четвертая

Территория свободы

Глава 1

За порогом враг

Утром я ступила на территорию свободы, уверенная в одном.

Мои движения, поступки, мой вид, мое состояние отслеживаются не только казенными «надзорными органами». Есть куда более опасные наблюдатели. И мы теперь идем друг к другу навстречу. Не знаю точно, ищут ли они сейчас меня, но я точно их ищу.

Я найду.

Такой выбор: или они у меня в руках, или меня нет в этой жизни.

С формальностями своего прохода через все металлоискатели в общество не криминальных элементов, а законопослушных граждан я справилась без особого труда.

Помог опыт контакта с правоохранительной публикой: тут главное – дать сразу понять, что ты знаешь, как обломать их уверенность в своих особых правах на других людей.

Проще говоря: не допустить ни хамства, ни скотства. Свои права я изучила не только по тем книжкам, которых они не читали.

На следующем этапе разобралась с ситуацией на рынке недвижимости, посмотрела цены. Пока чисто теоретически.

Я ведь даже не знаю, какая сумма у меня в колодце.

Стараюсь не думать о том, что там уже нет ничего. Полтора года...

Да, самое смешное. Я ведь вернулась с зарплатой.

Мой возлюбленный строго следил, чтобы меня не обманывали, не обсчитывали, даже премию давали за старание, которого вообще-то не было. Но на какие-то дни хватит.

Я в какой-то момент облегчения даже пошутила. Купила красиво изданный томик Цвейга с хорошими иллюстрациями, вафельный шоколадный торт и отправила посылку своему отряднику.

Написала на книжке: «Помни обо мне, как я о тебе».

Уверена, он сохранит это на всю оставшуюся жизнь. Будет показывать следующим фавориткам.

Когда восстановила права, ездила по разным делам и маршрутам, кроме пути к своему домику.

Наконец, решилась, поехала туда, выбирая самые окольные дороги, петляя, путая следы. Все оказалось на месте.

Дождалась ночи, втащила в багажник и самыми нелогичными путями поехала домой. Холодные и мертвые ноутбуки просто протерла от сырости. Деньги из сейфа вынула, пересчитала.

Нормально, я даже не ожидала.

Четыреста пятьдесят тысяч долларов и триста тысяч рублей. На что-то хватит. Устроила какие-то самодельные тайники – подняв в нескольких местах паркетную доску, сейф выбросила на дальнюю помойку. Особенно не старалась.

Эта не та сумма, из-за которой меня убьют.

Это даже не взяли после убийства Анатолия. И вообще кража для меня будет просто очередной проблемой, но никак не драмой.

К своему милому, терпеливому папе я приехала однажды ночью без предупреждения по телефону.

Да, допускаю прослушку со всех сторон. Вот он изменился. Сгорбился, стал не просто худым, а почти прозрачным. Светлый, тающий человек с облаком серебра над высоким лбом. Сухие, плачущие глаза.

Папа любил Таню даже больше, чем меня.

Только здесь, в родительском доме, я позволила себе оттаять в нежности, печали, приливе беспокойства за близкого человека. Последнего близкого человека.

Только в кровати своего детства спала крепким, забытым сном – таким, в котором горячее тело плывет в жарком тумане снов-грез о том, чего никогда больше не будет.

На следующий день мы обо всем договорились. Папа приедет в Москву и положит в банке на мое имя сумму из сейфа в качестве подарка.

Если кому-то захочется проверить его источники накоплений, тут мы все докажем.

Мой папа строитель, работал в хороших фирмах, неплохо зарабатывал. И всю жизнь у него было хобби – он классный краснодеревщик.

Когда оставил службу, оформился как индивидуальный предприниматель. Работал по заказам, платил налоги. У него бывали и большие суммы.

Другой вопрос в том, что он все мгновенно тратил.

Был не то что коллекционером: просто влюблялся в дорогую гравюру, редкую книжку, чаще всего оказывалось, что его безбожно обманули по цене. Но его это совершенно не беспокоило.

Папа сам выбирал свои сокровища, для него они бесценны.

Я вернулась домой. Мой клад был на месте. Мертвые ноутбуки давили сознание, как могильные плиты. Как искать программиста? Кому все это доверить?

Я долго ничего не предпринимала в этом направлении, пока идея вдруг сама не постучалась в мозг. Как будто прилетела со стороны.

Это должен быть один человек – тот, который поможет открыть тайну ноутбуков, и тот, кто пойдет со мной по следу убийц.

Глава 2

Простые истины

Как быстро свобода съедает время. На зоне день тянулся, как год. А тут два месяца пролетели, как час. Насыщенный час.

Мы с папой многое успели. Просто не было у меня границ, разделяющих дни. Не было ночей для забытья, не было дневного режима, как в бывшей жизни с семьей. Не было даже обычных, неосознанных потребностей: в какое-то время есть, в другое – работать, в третье – отдыхать.

Все теперь стало моей бессонной работой.

Как ее назвать? То ли выживание, то ли подготовка к смертельному прыжку.

А в этой подготовке не было мелочей.

Я привела себя в порядок.

Да, я не похудела, не поблекла, но для того, чтобы прокаленная шкура зэчки стала кожей уверенной, независимой женщины, мне нужно было все изменить в своем внешнем облике. Истребить то, что, возможно, другие люди и не замечали, но я тащила это, как тяжелые кандалы на ногах, петлю на шее.

Это смрад барака, который я ощущала в своих волосах.

В нем разлагаются остатки достоинства вырванных из жизни людей, бывших женщин. Это напряженность всех внутренних органов, как у животных перед забоем. Это стянутость кожи, готовой только к ударам и боли. И злобная затравленность в зрчках.

Но психика женщин очень мобильна, она может приспособиться к внешним изменениям, другим ощущениям, щадящим прикосновениям открытой и позитивной среды. И следствие станет причиной.

Когда я довела свою внешность до совершенства собственных представлений, именно она стала моей печатью, вытеснив клеймо позорного во всех глазах прошлого.

Одно дело убийца, которая смотрит, пахнет, выглядит и даже дышит, как убийца.

Другое – уверенная в себе, ухоженная, в меру доброжелательная, в меру высокомерная женщина.

Это мера ее красоты. Это царство ее власти, влияния на восприятие других людей.

Может, я что-то преувеличиваю, но на меня стали смотреть по-другому даже эти истуканы в разных службах. А бывшие знакомые, в глазах которых я сначала видела только испуг, затаенное презрение и острое любопытство, – они стремительно менялись при встречах. Мои натянутые нервы ловили малейшие выражения в глазах, в движениях, в интонациях.

Я стала роковой женщиной с непостижимой тайной, с никому не понятным, но притягательным в своей порочности опытом.

Никто точно не знал, что тогда произошло со всеми нами, но по реакциям именно женщин я понимала: они готовы видеть во всем исключительно страсть. Сгорали от нетерпения услышать подробности. А содружество женщин – родина сплетен и, стало быть, источник новой репутации.

Вот так.

Там, где другие просто причесываются, меняют гардероб, млеют под руками массажисток и косметичек, я поднималась по ступенькам своей полноценности. Поднималась из глубокого подвала униженности и рабства к вершине своей независимости.

Я испытывала удовлетворение от сознания своей значимости в самом мелком контакте. От мимолетного превосходства, примет добровольного подчинения окружающих.

Объясню, в чем разница между тем, что понимала и чувствовала я на территории новой свободы, и теми смешными радостями, которые могла ощущать счастливая домохозяйка Ита.

Она, почти посторонний для меня сейчас человек, была способна утешаться женским тщеславием, наслаждаться завистью подруг, балдеть от мужского поклонения.

Я, Соколовская из рабочего барака, вернувшаяся домой, плевать на все это хотела. Не было на свете человека, который мог бы заставить меня вздохнуть взволнованно, радостно или горестно. Я просто ощущала, как крепнут силы, и ждала часа их употребить по назначению.

Мысль воспользоваться чьей-то рекомендацией в поисках хорошего юриста, программиста или частного детектива я отвергла сразу. Никаких советов, никакой утечки информации, никакого влияния, ничьих услуг.

Абсолютное недоверие как единственный способ торговли и битвы с судьбой. И придется положиться только на интуицию. Она спасала меня даже в моменты групповой расправы и самой откровенной опасности.

Днем я занималась выбором новой квартиры, собой, присматривалась к возможным вакансиям. Ночью изучала рынок специфических услуг.

На очень скромном сайте этого частного детектива я задержалась по нескольким причинам, решительно забраковав десятки подобных.

Очень сдержанный текст, ни одной грамматической ошибки, есть слова, которые выдают начитанного человека. На маленьком фото, видимо, для паспорта, человек, так же мало похожий на сыщика, как я сейчас на убийцу. И я не почувствовала того отторжения, которое во мне стали вызывать люди в своем большинстве. Оно может возникнуть при непосредственном знакомстве, тогда просто продолжу поиск.

Я просто готова соскочить в любой момент, чуть что пойдет не так.

Глава 3

Очень частный сыщик

Первый раз я поговорила с частным детективом Сергеем Кольцовым по телефону, купленному на рекламной распродаже одного оператора, где к телефону дарили бесплатную симку. Поговорила, задавала очень продуманные вопросы, запоминала дословно ответы.

Я даже имени своего не назвала. Ни одной документальной детали. Просто обозначила условную суть. Затем неопределенно пообещала перезвонить, когда приму решение, и выбросила телефон, предварительно уничтожив симку.

После разговора искала другие варианты, занималась своими делами и ни на минуту не прекращала анализ того разговора.

Наконец, я сказала себе: «да».

А встречу назначила уже в новой квартире. В новостройке тихого зеленого района Юго-Запада, где никто никого не знал и, что самое приятное, никто к знакомству и общению не стремился. А на своей площадке я вообще была единственной собственницей.

Он приехал в девять пятнадцать вечера. Вошел и протянул мне крошечную еловую ветку в каком-то стакане. Сказал, как будто встретил давнюю знакомую после долгой разлуки:

– Продавали на улице. Я подумал: вы могли забыть, что через неделю Новый год. Посчитал по срокам. Два года точно не встречали. Здравствуйте, Маргарита.

В нашем телефонном разговоре я не только не называла имени-фамилии, но и не упоминала ни о каких сроках.

Но я не удивилась. Не такой уж сложный трюк для сыщика – найти дело по самым пунктирным моментам короткого разговора.

Кстати, он сам тогда согласился на сотрудничество сразу. И почему-то я поняла: это не из-за того, что человек не упускает никакого заработка. Его просто что-то очень заинтересовало. Как бы там ни было, начало встречи мне понравилось.

Сергей прошел в гостиную, с любопытством огляделся по сторонам:

– Хорошая квартира. И ремонт нормальный. Вещи еще не перевезли?

– Вещей нет, – сказала я. – Только то, о чем я вам говорила. Вот стол купила и два стула. Можно сказать, для первого гостя. Поставлю сюда вашу елочку – и можно считать, новоселье состоялось. Не подумала о шампанском. Да, действительно, когда-то был Новый год. Но для первого разговора это вряд ли требуется. Кофе сварила.

Я вышла на кухню, отметив, как непринужденно сыщик откинулся на спинку стула. Кажется, с трудом удержался, чтобы не забросить ноги на стол.

Естественный человек. И настолько красив, что выделится в любой толпе. Не слишком удобная внешность для детектива.

Мы пили кофе и говорили для знакомства о случайных вещах. Так кому-то могло показаться. На самом деле мы напряженно, цепко и подозрительно прошупывали друг друга насквозь. Делали далеко идущие выводы. За обманчиво искренней синевой глаз моего собеседника я увидела личность сильную, жесткую, возможно, даже беспощадную.

Мелькнула мысль: если он узнает какую-то страшную для меня правду, если придет в поисках к выводу о самых нежелательных причинах моего горя, – он ни на секунду не задумается перед тем, как убить меня этим.

О чем речь – очень больно объяснять. Но скажу: это добровольная, настоящая, осознанная, не преодолевшая лишь последнюю границу любовная связь моего мужа с моей дочерью.

Насколько крепкая и трагическая, что она могла оборваться только двойной гибелью. Кто был еще втянут, кто помог или расправился с ними, – это в таком раскладе даже второй вопрос. Но я и тогда не откажусь от ответа.

Сергей поймал мою мысль и задал прямой вопрос:

– Я правильно понял: вас устроит только истина? Это не поиски злодея, разоблачение которого поможет вам разглядеть прошлое и найти успокоение для будущего?

– Именно так. Я справлюсь с любой правдой. Самая страшная пытка для меня – это истязание сомнением. Любим. Это в принципе несовместимо с каким-то будущим. И лично для вас: никогда правда не разрушит то, что принадлежит только мне. Моя преданность, моя кровная привязанность, которая сильнее смерти, не пострадает ни в каком случае. Я – женщина, а не баба.

– Понимаю, – задумчиво сказал Сергей. – Задачу понимаю.

Я выдохнула страшное напряжение, которого потребовало от меня последнее признание. Впервые я произнесла вслух то, о чем даже думать могла не всегда.

Да, то была спасительная идея, возможно, самообман – версия о совершенно посторонних убийцах, о преступлении, которое не имело отношения к самой болезненной тайне. Тайне, скрываемой от меня. Она ведь, возможно, есть. Пережила моих близких.

– Мне кажется, мы прояснили свои позиции. Заключаем договор, – сказала я. – Можно на прощание простой тест? Как называла меня дочка? Она не называла меня мамой.

– Минутку. Маргарита... Дочь называла вас – Ита? Так?

– Да. Смешной вопрос. Вы, конечно, сообразили, что она так обошла букву «эр», когда не умела ее произносить.

– И это. И то, что вам идет такое имя. Ита. Ранимая, нежная женщина, которой было уютно только в детстве, а потом она ступила в жизнь взрослого, даже жестокого человека из-за обостренного чувства справедливости. Так бывает. Если бы я был с вами где-то рядом, мог бы предупредить: на этом пути мало радости. Если она вообще там может случиться. Я приеду через пару дней с программистом. Пока найду дело, вникну во все, что они тогда нашли, попробую побродить по тем вашим местам. Вы не против, если я кому-то буду задавать вопросы?

– Нет, конечно. Вы ведь прекрасно поняли. Я открыла для вас двери в самые темные и опасные подробности своей жизни. Это значит только одно. Мне нужен очень частный сыщик. Больше, чем личный врач. Мне нужен патологоанатом.

Он ушел.

Я бросилась к подоконнику, на котором мертвыми плитами лежали ноутбуки – Тани и Анатолия. Приложила ладони к их погребальной мерзлоте.

Да, это нужно было оставить. Зарыть в могилу. Посадить цветок. Но я решила взломать мертвый сон и не свои тайны.

Я готова за это заплатить отравленным навеки покоем, адскими терзаниями, страхом никогда не уснуть. И в помощь мне только частный детектив из виртуального пространства. Он смотрит безмятежным, почти ласковым взором, в котором блесит клинок. Отличная компания для нежной Иты с оскалом Соколовской из барака.

И вдруг лавина прорвала сухость моих глаз, застывший мрамор кожи.

Я взмокла от макушки до пят, я пылала и ничего не видела из-за потока горячих слез.

Сколько лет я не плакала? Мне кажется, этого не было еще никогда. Только так я и могла залить жажду своих ран и стон своих потерь: всем телом, слезами, которые лились из глаз, сочились из пор, розовели от моей кипящей, рвущейся из вен крови.

Часть пятая

В сумрачном лесу

Глава 1

Коварный лазутчик

Сергей очень сухо и лаконично делился со мной своей информацией. Выводами вообще не делился. А я почти со страхом понимала, насколько мне необходим именно такой человек. Такой коварный лазутчик моей агрессивной миссии в мире остальных людей.

Он в отличие от меня сумеет втереться в любое доверие, вырвать самые неосторожные признания. У него уже есть своя, автономная цель. Это та правда, которая может быть неудобной всем, и в первую очередь мне самой.

Ради нее он, конечно, готов обмануть любого. И я для него не исключение.

Но я сделала свой выбор.

В отличие от Данте я даже не могу сказать себе, что прошла земную жизнь до половины. Во мне живет отчаяние обреченной души, осознающей себя только в этот миг.

Да, я в сумрачном лесу.

Но мой поиск, мои натянутые нервы, мое нетерпеливое сердце, страшный груз моего прошлого – все это готово к полному исчезновению. Хоть через минуту. И мне от этого не больно и не тоскливо. Мне не от этого больно.

Я рада, что каждую секунду что-то меняется.

Как странно: в моей жизни были целые часы, проведенные в бассейне или в магазинах. У меня были дни, когда мы с семьей просто грелись на солнце, просто ели, спали, любили. А я лишь констатировала, коллекционировала даты и сроки лени, покоя, отсутствия невзгод и раздражителей.

– Привет, Маргарита, – сказал Кольцов, представляя мне худого парня в очках. – Это Вася, программист и мой штатный помощник. Практически гений. Для того чтобы ему что-то реанимировать, понадобится собственная аппаратура. Вы готовы доверить ему ноутбуки, чтобы он мог поработать с ними у себя?

– Конечно, – сказала я. – Очень надеюсь на вас, Вася.

Парень, отказавшись даже присесть, умело упаковал ноутбуки в кофр и протянул мне крошечный бумажный квадратик со своим телефоном.

– Будем на связи. Вдруг вопросы.

Он ушел, Сергей задержался:

– Можно попросить кофе?

Он выпил, отодвинул чашку, взглянул мне в лицо и произнес:

– С делом я работаю. Нестыковки на поверхности, но все прикрыто вашим признанием. Так что никаких особенных злоупотреблений. Потом решим: мы требуем пересмотра или нет. И какие у нас для этого основания.

– Правосудие меня вообще не интересует. Если вы не поняли.

– Да понял. Просто я не киллер и не палач, не помню, говорил ли я вам это до заключения договора. Это я забегаю вперед: вдруг выйдем на убийцу.

– Сережа, я еще не позволяю себе так далеко загадывать. Мы можем подождать каких-то результатов? Если честно, я и в них пока не верю.

– Да, мы подождем. Я очень терпеливый. Такой вопрос: вы в курсе, что за Таней очень настойчиво ухаживал один парень? Борис Миронов, он тогда учился в выпускном классе школы, которая рядом с вашим колледжем.

– Боря Миронов? Из сто тридцать пятой? Да, он приходил к нам на вечера с танцами. Провожал пару раз Таню. Однажды я вернулась домой, а он был у нас. Помню, Таня сказала, когда он ушел: «Ита, у нас с ним ничего нет. Он просто хочет, чтобы мы встречались. Я пока не знаю». Больше, кажется, о нем мы не говорили. Мне он не очень нравился: мрачноватый и грубоватый. Тане точно не подходил.

– Говорят, она не была в этом так уверена. И еще говорят, что он был влюблен очень страстно, даже дрался из-за нее, когда ее пошел провожать другой. Я немного узнал: парень известен вспыльчивым и ревнивым характером. После школы проучился один год в геолого-разведочном и бросил. Возможная версия, нет? Он пришел к вам домой, застал в неоднозначной ситуации Таню с отчимом и... Возможно, она действительно не видела. Скажем, он ушел и вернулся, когда она легла спать. Анатолий ему бы открыл. Возможен и более трагичный поворот. Таня знала, что это он, не смогла его выдать. А после вашего признания... вынесла себе приговор. Вот это более чем вероятно. Как, по-вашему?

– Работай, – устало сказала я. – Только сейчас поняла, чем теоретический убийца, рожденный только воображением, отличается от реальных людей, которых я знаю. Тем, что для такого разоблачения нужно задавить в себе все человеческое. Для всех преступление раскрыто и забыто. Мы с тобой собираемся обрушить на кого-то небо. И если повезет, не ошибемся. Давай перейдем на «ты», как подельники.

Глава 2

По улице моей

Однажды Сергей после часа нашей совместной работы по материалам дела одобрительно посмотрел на мой новый диван в стиле «прованс» – розы на кремовом фоне, – и произнес:

– Хорошо. Живенько. И к шторам подходит. Все время удивляюсь: как женственность и стремление к уюту могут существовать параллельно со своим обладателем. Ты со своим сухим ожесточением и твои бессознательные проявления – это разные полюса. Кажется, без точек соприкосновения. Я к чему. Надо это использовать. Пора привлекать и завлекать людей. Знакомых и нет, тех, кто захочет с тобой общаться. Разговаривай, находи способ чем-то якобы искренне делиться. Принимай приглашения и приглашай к себе. Пусть по улице твоей друзья не уходят, а приходят. И мы посмотрим, что это за друзья.

– Тяжело, – сказала я.

И остро поняла, что впервые пожаловалась другому человеку. Впервые за всю вечность после того, как нож остановил сердце мужа.

– Без сомнения, – ответил Сережа. – Но это значит только одно. Ты уже отдохнула. Расслабилась. Тебе не было тяжело ни в СИЗО, ни на зоне. Когда человек выживает на краю, у этого нет степени дискомфорта. Так что соберись. Если твои подозрения в какой-то степени верны, кто-то ждет твоей слабости. А твое одиночество – ему в помощь.

– Есть, генерал, – отдала я ему честь. – Я как раз веду переговоры о работе.

Сергей посмотрел на меня очень внимательно:

– Плохо, что я был не в курсе.

– Пока ничего конкретного, не больше телефонного знакомства. Если честно, не решалась на встречи.

– Тогда в таком порядке. Ты решаешься по своим соображениям, я узнаю об этом до встречи.

Ситуация с поиском работы была у меня очень неоднозначная. Изучив предложения, вакансии, обычные и даже выгодные предложения, я сразу сделала два вывода.

Первый – я легко справлюсь почти с любым кругом компетенции и обязанностей, какие предлагают не узким специалистам. Начиная с работы секретаря босса компании, кончая должностью советника крупного политика. Это я о предложениях с достойным окладом.

Второй – любое предварительное знакомство потребует объяснений моего прошлого.

Допускаю, даже уверена, что кто-то захочет и сможет это все принять и даже стереть при оформлении. Смотрела как-то любопытства ради: у скольких чиновников и депутатов светится явная или неявная судимость там, за горизонтом власти. Но мне так не нужно. Не нужно ни лжи, ни чьих-то услуг, за которые так или иначе придется расплачиваться.

Понятно, что предлагать себя в качестве преподавателя мне даже в голову не пришло. И, разумеется, никаких резюме по электронке. И я поступила так: составила небольшое объявление о поиске работы и разместила его с маленькой фотографией не на обычной доске поиска вакансий, а на страницах серьезных соцсетей.

Обозначила образование, область компетенции, гарантированные профессиональные качества и проблемный статус. И свои условия, связанные главным образом со свободным графиком.

Мысль, грубо говоря, такая: войду в любое положение, смогу соответствовать, если будут учтены и приняты мои личные обстоятельства и условия. Уже такая постановка вопроса отсеет большинство стереотипных работодателей, что и требуется.

Сергей посмотрел текст и кивнул:

– Достойно. Интригует к тому же. Может сработать. Запускай.

Так начался новый уровень моей свободы.

Я открылась безразмерному виртуальному пространству. И подставила свое лицо в самом прямом смысле ветру случайного интереса, неслучайных мотивов, острым стрелам любопытства разного толка, всем возможным опасностям.

Кто никогда не выходил из застывшей затхлости клетки, тот никогда не поймет тревоги зверя, чья шкура является добычей по определению.

Через пару дней мой телефон раскалился от звонков, вопросов, предложений и самых невероятных вариантов занятий и сотрудничества.

Скажу коротко: это все был мусор.

Мошеннические, авантюрные идеи, примитивные, нелепые люди. Никому не нужные контакты.

Были и охотники, которые явно повелись на мою фотографию. Их легко узнавать по идиотски слащавому тону, банальным оборотам ходячих и липким намекам.

Потерянное время? Кто знает. Я не торопилась.

Наоборот, это разминка, я еще ни на что не решилась. И терпеливо ждала сигнала своей интуиции.

Не просто: «то, что нужно», но и «это интересно», «это подозрительно», «это непонятно, но нужно досмотреть».

И, наконец, я не только решилась на встречу.

Я назначила ее у себя дома. Руководитель большого пиар-агентства в телефонном разговоре согласился с моими условиями. И более того, сам предложил особый статус – креативного сотрудника для особых заданий.

Особые сроки, особая оплата, не просто можно, но и желательно работать дома.

– Думаю, вы поймете, о чем речь, – сказал приятным голосом Игорь Сергеев, которого я сразу нашла в «гугле». – Продвижение политиков требует аналитического склада ума. Большой деликатности, иногда даже скрытности. Не всегда ваши идеи и тексты выйдут под вашим именем. Чаще всего – нет. Но они всегда получают достойное вознаграждение. Детали и пробное задание хотелось бы при встрече.

Я записала этот разговор, как все, что казалось мне значительным. Назначила встречу, купила к ней новый серый кашемировый костюм с узкой юбкой и облегающим жакетом. И, конечно, поставила в известность Сергея.

– Начинай шпионить.

– Отлично, – ответил он. – С почином.

Глава 3

Игорь Сергеев

Встречу назначили на семь часов вечера.

К шести я приготовила несколько коктейлей, все, что нужно, для кофе. Надела костюм с черной атласной блузкой, даже черные лодочки на маленьком каблучке. Уложила волосы пышной волной. После того как парикмахеры убрали мои тюремные пакли: посеченные концы, безжизненные пряди, которые заблокировали рост нормальных волос, я и волосы свои отпустила на свободу.

Никаких стрижек, укладок и гелей. Пусть растут и живут естественно.

Я осторожно, по памяти подкрасилась. Посмотрела на себя: ничего. Лицо стало ярким, выразительным.

На взгляд мужчины, возможно, даже соблазнительным. Как они любят: зовущие губы, томные глаза. Фигура в этом костюме тоже под стать.

И я решительно все сняла: костюм, блузку, лодочки. Тщательно умылась. Волосы стянула аптечной резинкой на затылке.

Не хватало еще демонстрации подготовки и подобострастия соискательницы перед встречей с «отрядником» на свободе.

Нет. Достаточно того, что я предлагаю свое время, способности и готовность попробовать. А брать меня можно лишь с тем набором, какой я сама захочу предложить. А я готова работать в удобном мне режиме, который, кстати, может быть сколь угодно тяжелым. Но не готова личность и достоинство делить на части особых заданий.

Я успела влезть в стильный балахон – что-то среднее между экзотическим домашним платьем и спальным мешком.

Цвет дивный – черный с лиловым отливом. Ноги сунула в мягкие розовые итальянские безразмерные тапки. И пошла открывать дверь на звонок.

Игорь Сергеев был очень похож не только на свою фотографию в интернете, но и на свой голос. Ухоженный, холеный мужчина со светскими манерами, с подчеркнутыми оборотами и жестами барства. Наверное, стилисты ему поставили. И бородка в стиле «ваше благородие». Если будем сотрудничать, обязательно скажу ему, чтобы сбрил. Лишние детали не подчеркивают образ, а добавляют ему карикатурности.

Я поймала его любопытный и, кажется, одобрительный взгляд, провела в гостиную.

Мы выпили, произнесли по паре необходимых в Москве фраз – о погоде. И я подумала, что он, пожалуй, лучше, чем его голос по телефону, чем его фото и даже его продуманный образ.

Все это лишь скрывает непростую и достаточно сильную личность.

Вряд ли в его словах и внешних проявлениях есть хоть капля искренности. Так и я не Мальвина. Посмотрим, кто кого.

Разговор обо мне, моем опыте, прошлом напоминал переход по мелким, острым камням бурлящей реки.

Игорь реагировал на все спокойно, умел ловить намеки на то, о чем я не хотела прямо говорить. Ни ужаса, ни удивления по поводу моей статьи и срока я в нем не заметила.

Меня точно не отвергли.

В качестве пробной работы он попросил меня написать текст от имени одного политика. Поскольку я в силу своих обстоятельств была не в курсе новых имен и приоритетов, он вытащил толстую папку материалов. Статьи, интервью, снимки, комментарии экспертов и пользователей соцсетей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.